

Роль образности и внутренней формы фразем в лингвокультурной реконструкции

План выражения фразеологизмов, состоящий из нескольких единиц, принято трактовать как внутреннюю форму, которая и создает некий перцептивный образ. Во фразеологических исследованиях часто наблюдается сближение и даже отождествление понятий «внутренняя форма» и «образность». Так, А. Кунин утверждает, что внутренняя форма фразеологизма — это «мотивирующая образность, основанная на деривационных связях его значения со значением прототипа». В. Телия понимала внутреннюю форму как «способ организации значения идиомы», связанный с мотивацией ее семантики и образной составляющей. Вместе с тем наблюдается и более четкое разграничение понятий «образная составляющая» и «внутренняя форма» применительно к фразеологизмам, ср., в частности, мнение В. Мокиенко и А. Мелерович о том, что внутренняя форма есть и у тех фразем, которые лишены образности, и что внутренняя форма служит только базой для формирования образности. Д. Добровольский отстаивает точку зрения, согласно которой именно образная составляющая вносит вклад в значение фразеологизма и обязательно должна учитываться при описании его семантических особенностей.

Для реконструкции генезиса фразеологической единицы в первую очередь важно не понимание внутренней формы как таковой, а учет тех смыслов, которые вытекают из образной составляющей фраземы. При этом, естественно, сложно обойти такой самоочевидный факт, что информацию об образной составляющей исследователь получает именно из формальной стороны фраземы, т. е. из формы и семантики единиц, которые входят в ее план выражения. Однако практически всегда оказывается, что установление генетических связей между формальной стороной и актуальной семантикой должно опираться не только на собственно лингвистические факторы (в частности,

прагматические), но и на внелингвальные, прежде всего национально-культурные и исторические.

О необходимости учитывать национально-культурную специфику при установлении мотивации сказано и написано уже немало, поэтому обратимся к лингвистическому аспекту. Так, во многих славянских языках известны фраземы с так называемым псевдоонимом: рус. *поехать в Могилевскую губернию* ‘умереть’, укр. *віддатися за Муравського* ‘то же’, *заїхати в Харківську губернію* ‘ударить кого-либо по лицу’, *повернути у Брехунівку* ‘начать обманывать’. В таких выражениях именно псевдооним выступает семантическим центром целого выражения, причем не сам по себе, а как основа соответствующих ассоциаций. Если же внутреннюю форму таких фразем интерпретировать буквально, исходя из семантической нагрузки отдельных компонентов, то окажется невозможным обосновать появление фразеологического значения.

Аналогичная картина наблюдается в группе фразем, которые возникли вследствие иронического переосмысления исходных выражений, таких как *получить на орехи* (*бублики, баранки*) ‘быть наказанным’, рус. *держи карман шире*, укр. *тримай в обидві жмені* ‘не рассчитывай получить ожидаемое’, а также рус. *держаться на честном слове, открыть Америку, скатертью дорога* и некоторые другие. Анализ внутренней формы в таких случаях может оказаться бесполезным приемом, если его не дополнить учетом речевой специфики функционирования выражений, послуживших языковой основой для образования этих идиом, а также прагматических аспектов коммуникации, которые и стали базой для иронического переосмысления исходных выражений.

Как известно, особенно высок процент выражений, в которых наблюдается разрыв между внутренней формой и семантикой, среди так называемых идиом. При анализе их происхождения необходим учет и синтез разных факторов. Например, фразема *гризти з ким горіхи* ‘враждовать, конфликтовать’, известная в украинской традиции с XVII в., наделена прозрачной внутренней формой. Однако этот факт не дает оснований для выведения фразеологического значения: если опираться на народную практику «разгрызания орехов» (легкое и приятное занятие на досуге), то можно ожидать появления у фраземы положительной оценки, т. е. идиома теоретически должна была

унаследовать от базовой ситуации позитивные оценочные смыслы. Причины появления отрицательной оценки нужно искать в иных сферах, возможно, интралингвальных, таких как ироническое переосмысление исходного выражения, семантические аттракции (притяжение к смыслу метафоры *гризтися*), резкое сужение референции или усечение более полной конструкции.

Таким образом, внутренняя форма, формируя в сознании некий представляемый образ, служит отправной точкой в развитии сложного фразеологического значения. Исходный образ, из которого выводятся логические и оценочные импликации, обязательно должен быть погружен в национально-культурный и временной контекст. При генетической реконструкции следует учитывать как ту информацию, которая содержится во внутренней форме, так и разнообразные лингвокультурные факторы.

Е. В. Захарова, И. И. Муллонен, Н. Л. Шибанова

Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН,
Петрозаводск
katja.zaharova@mail.ru, mullonen@sampo.ru, shnl@krc.karelia.ru

«История, положенная на карту»: топонимические модели Карелии*

Термин *модель* традиционно используется в российской топонимике применительно к топонимическому словообразованию, хотя в славянской ономастике содержание его шире и включает также лексико-семантическую составляющую. О необходимости подобного «широкого» понимания в свое время писал Э. Эйхлер, отмечая, что топонимическая модель является единством исходной (именование объектов посредством определенных лексем) и словообразовательной моделей, а Р. Шрамак обращал внимание на временной и пространственный характер бытования топонимических моделей.

---

* Публикация подготовлена в рамках выполнения проекта РГНФ № 14-04-00243 «Топонимные модели Карелии в пространственно-временном контексте».

© Захарова Е. В., Муллонен И. И., Шибанова Н. Л., 2015